

В. А. Туголуков

ИНСТИТУТ «ДОХА» У УДЭГЕЙЦЕВ И ОРОЧЕЙ

В науке существует мнение, что социальная организация удэгейцев и орочей представляет собой родовое общество, состоящее из патрилинейных родов, сгруппированных в экзогамные союзы «доха».

А. М. Золотарев находил, в частности, у орочей «патриархальные строго экзогамные роды», которые членились на дочерние роды и объединялись в «родственные союзы с чужими родами»¹. Тот же взгляд на социальную структуру этих народов сохраняется и в работах более позднего времени². Составители сборника «Орочские сказки и мифы» В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева пишут во введении, что пережитки «стадии разложения патриархально-родового строя» у орочей выражаются в «делении на родовые группы, в экзогамии родов и родовой взаимопомощи»³.

Как показали наши исследования, у удэгейцев и орочей не удастся выявить четкой родовой структуры. Нам не удалось обнаружить у них «родовых» этнонимов, образованных не от названия местности; очень мала численность групп, объединяемых «родовыми» этнонимами, тогда как самих этнонимов очень много. В связи с этим необходимо сделать уточнение, касающееся терминологии. Как будет видно из дальнейшего, употребление слова «род» по отношению к удэгейцам и орочам не совсем правильно. Более удобным представляется термин «фамилия», тем более что он широко употребляется и самим населением. Фамилии удэгейцев и орочей соответствуют небольшим по численности локальным группам этих народов, осваивавшим тот или иной промысловый участок.

Следует также иметь в виду, что в составе удэгейцев, орочей и тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура есть общие по происхождению этнические компоненты. Это является предпосылкой существования у всех этих народов рассматриваемого нами социального института доха.

Суть социального института доха заключается в том, что члены какого-либо кровнородственного коллектива не вступали в браки не только друг с другом, но и с членами, некоторых других кровнородственных коллективов. Такие коллективы, разбросанные на обширной территории, иногда принадлежали даже к различным народам. Таким образом, институт доха можно рассматривать как отклонение от классической родовой экзогамии, выражающееся в расширении круга лиц, связанных экзогамными запретами.

Во время полевых работ 1966—1968 гг. автор настоящей статьи насчитал у удэгейцев 21 этническое наименование. Эти этнические наименования одновременно являются фамилиями в общераспространенном понимании этого слова и записаны у них в паспортах. Наибольшее число удэгейцев носит фамилии Канчуга (34 семьи), затем в убывающем

¹ А. М. Золотарев, Амурские орочи, «Советский Север», 1934, № 6, стр. 83.

² «Народы Сибири», М. — Л., 1956; В. Г. Ларькин, Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней), М., 1964.

³ «Орочские сказки и мифы», Новосибирск, 1966.

порядке следуют: Кялундзюга (31 семья), Кимонко (20), Камандига (16), Суляйндзига (15), Пианка (9), Сигдэ (5), Амулинка (4) и т. д.⁴

Мы учли примерно 900 удэгейцев (в том числе метисов). Если принять, что семья состоит в среднем из четырех человек, то получится, что наиболее распространенные фамилии насчитывают по 80—90 человек, некоторые фамилии — по 8—10 человек. А 13 фамилий, которые мы не называли, носят еще меньшее число удэгейцев.

У орочей, по нашим данным, на 450 человек приходится 12 фамилий. Чаще всего встречаются следующие фамилии: Акунка (19 семей и одиночек), Еминка (10), Намунка (10), Мулинка (7), Пунэдинка (4), Ауанка (3) и т. д.⁵

За последние 50—70 лет численность орочей практически почти не менялась⁶. Между тем число фамилий у них в недавнем прошлом было значительно больше. У нас имеются сведения более чем о 20 исчезнувших орочских этнонимах. Если считать, что в то время существовали и современные фамилии, то средняя численность орочского «рода» того времени соответственно окажется еще меньшей, чем нынешняя. Мало-численность удэгейских и орочских фамилий заставляет сомневаться в том, что они представляют собой кровные роды.

Как известно, средний тунгусский род в XVII—XVIII вв. насчитывал, как правило, 200—400 человек (не считая женщин из чужих родов), или 50—100 семей. По численности самые крупные удэгейские и орочские фамилии соответствуют самым мелким тунгусским родам; большинство же фамилий по численности может быть сопоставлено лишь с кочевой общиной эвенков, состоявшей из нескольких семей, или с их большой (патриархальной) семьей⁷. Родовыми названиями у тунгусов чаще всего служили коллективные прозвища типа Баягир — от *баян* — «богатый», Шамагир — от *саман* — «шаман», Нанагир — от *наннā* — «шкура», Муеллагир — от *муёллэ* — «подшейный волос оленя», и т. д. Существовали также названия, связанные с местом расселения того или иного рода: например Сологон — от *солō* — «верхний» (по течению реки), Эдиган — от *эдэхэн* — нижний (по течению) и др. У эвенков родовые этнонимы, связанные с какой-либо конкретной местностью, встречаются редко; в большинстве случаев это поздние новообразования⁸.

Удэгейские и орочские этнонимы, как правило, являются видоизменениями соответствующих топонимов, чаще всего названий рек, на которых они жили. Так, удэгейский этноним Канчуга связывается удэгейцами с р. Кан (также Коу, Канчу), этноним Кимонко — с р. Кимун, Пианка — с р. Пия (Пя), Амулинка — с р. Амули, Сигдэ — с р. Сигдэму и т. д. Все перечисленные реки впадают в Японское море южнее устья Самарги.

⁴ Удэгейцы Канчуга, Суляйндзига и Пианка живут главным образом в пос. Красный Яр Пожарского района Приморского края, Кялундзюга и Кимонко — в пос. Гвасюги района им. С. Лазо Хабаровского края, Камандига — в пос. Агзу Тернейского района Приморского края, Сигдэ — в пос. Санчихеза Красноармейского района Приморского края, Амулинка — в пос. «Рассвет» Нанайского района Хабаровского края. Приведенные цифровые данные не претендуют на абсолютную точность. Написание удэгейских и орочских фамилий в разных районах разное; мы приняли за основу распространенную транскрипцию.

⁵ Подавляющее большинство орочей проживает в Советско-Гаванском районе Хабаровского края, в поселках Уська Орочская и Сельхоз на р. Тумнин; небольшая группа в пределах того же района (около 40 чел.) живет в устье р. Копи. Свыше 40 орочей проживают на р. Хунгари в Комсомольском районе и несколько человек в пос. Омми на Амуре, в Амурском районе Хабаровского края. Мы не рассматриваем группу амурских орочей, которая почти полностью слилась с ульчами. По данным А. М. Золотарева и В. Г. Ларькина, в этой группе численностью 55 чел. (в 1897 г.) в начале 1930-х годов было 9 этнонимов (см. В. Г. Ларькин, Указ. раб., стр. 20).

⁶ Сводка данных о численности орочей за различные периоды приводится в книге «Орочские сказки и мифы», стр. 5.

⁷ «Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в.», М., 1970, стр. 216, 217.

⁸ Там же, стр. 218.

Этноним *Акунка* орочи производят от р. Аку (Акур), *Мулинка* — от р. Мули, *Хутунка* — от р. Хуту (все — притоки р. Тумнин), *Копинка* — от р. Копи, *Бисянка* — от речки и бухты Биса (на побережье Татарского пролива).

Как уже было сказано, интересной особенностью социальной организации удэгейцев и орочей является запрещение брать жен не только из своей фамилии, но и из некоторых других фамилий. Например, удэгеец Амулинка не может брать жен из фамилий Геонка, Канчуга, Куинка, Кя, Суанка и в нанайском роде Бельды. Ороч Акунка не может взять жену из фамилий Самандига, Сенкиянка, Сиочонко, Хутунка, из удэгейских фамилий Кукчинка, Пудя, Суляйндзига, из нанайских родов Гаир, Самар и др.

В различных районах расселения удэгейцев и орочей «экзогамные цепочки» (термин А. М. Золотарева) выглядят по-разному: они то длиннее, то короче — в зависимости от состава местного населения. Удэгейцы и орочи, как правило, хорошо помнят об экзогамных связях с теми фамилиями, члены которых живут вместе с ними. Длительное отсутствие в данной местности носителей какой-либо фамилии обычно приводит к тому, что память о них как о «запретных» стирается и они выпадают из экзогамной цепочки.

Приводимые различными исследователями списки экзогамных цепочек не означают, что между любыми их членами действительно существуют брачные запреты. Такие списки включают фамилии, с которыми в отношениях доха состоит каждая отдельная фамилия, но это, по крайней мере в настоящее время, отнюдь не обязывает к тому же остальные фамилии. Иными словами, экзогамия в экзогамной цепочке не является обязательной для всех ее звеньев.

Ниже мы постараемся показать, что всеохватывающих «экзогамных цепочек» у удэгейцев и орочей не было, по-видимому, никогда.

Рассмотрим известия, относящиеся к одному из самых распространенных удэгейских этнонимов — Кялундзюга.

По мнению В. Г. Ларькина, «термин „Кялундзюга“ аналогичен древнему термину „Кяулунгихэ“, что в переводе означает „наши предки“, „люди удэ“»⁹. Как пишет Ларькин со слов своих информаторов, «раньше люди Кялундзюга сильно отличались от приморских людей Намунка. У них была разная одежда...». Ларькин склонен был отождествлять этноним Кялундзюга с этнонимом Кя (Кя), считая, что первым из них возник Кялундзюга¹⁰.

Можно привести также записанное нами сообщение анюйской удэгейки Ладики Кялундзюга (по отцу — Сигдэ), согласно которому раньше, когда люди Кялундзюга жили у моря, у них был другой говор и в ту пору их называли Намка, т. е. «приморские» (от *намй* — море). Те из них, которые там остались, до сих пор носят это название.

В настоящее время на морском побережье к югу от устья Амура имя Намунка сохраняет группа орочей, живущая в низовьях Тумнина.

Происхождение названия Намунка связано с морем, но подобный этноним мог возникнуть лишь в том случае, если бы часть некогда единого приморского народа переселилась в удаленную от моря горную область Сихотэ-Алиня. Действительно, иманские удэгейцы Кялундзюга помнят о своем былом разделении на «верхних» и «нижних» — на *солонкё* и *азанкё*.

Точно так же в XVII в. и позднее тунгусы, жившие на морском побережье в районе Охотска и севернее, назывались ламутами от тунгусского *лам* — море.

Существование особого говора у орочей Намунка и некоторые особенности их физического облика (бородатость отдельных мужчин) перекликаются с приведенными выше известиями об особенностях Кялундзюга и приводят нас к выводу, что обе группы — Кялундзюга и Намунка — составляли в свое время единое целое. Вероятным этническим именем этой группы было Кялундзюга. Переселившись с морского побережья на Амур и Анюй, удэгейцы Кялундзюга были частично ассимилированы нанайцами и образовали в их составе «род» Оненко (от удэгейского названия Анюя: *Уни*).

Мы слышали от удэгейцев различные версии о происхождении этнонима Кялундзюга. Анюйский удэгеец Бого Кимонко считает, что название произошло от небольшой бурной речки Кялуй на морском побережье возле р. Нахту (Нахтахэ), где раньше

⁹ В. Г. Ларькин, Удэгейцы, Канд. дис., М., 1959, стр. 180.

¹⁰ Там же.

обитали его сородичи. Другие наши информаторы слово *кялуй* не связывают с определенной рекой, а переводят как «сырое». В письме к автору, хорская удэгейка В. Т. Кялундзюга пишет: «*Кялу* — это обозначает „неспелое“. Значит, они что-то ели неспелое, и их стали называть Кялун-дига».

Мы склоняемся к тому, что Кялундзюга был одним из древних и основных этнонимов удэгейцев и орочей.

Существует интересная легенда, объясняющая происхождение удэгейских этнонимов Камандига (Камдига, Камидига) и Суляйндзига. Когда-то давным-давно Камандига и Суляйндзига представляли собой одно целое. Однажды два человека поспорили, кто из них поднимет берестяной лоток с рыбой. Тот, который хвастался, что поднимет и не сумел этого сделать, получил прозвище «Суляйндзига» (от удэгейского *сулай* — лисица или *сулайси* — врать, хвастаться). Того же, который поднял, но не хвастался, стали называть «Камандига» (от *камиси* — берестяной лоток). Рассказчик, престарелый Бого Кимонко, в то же время утверждал, что поначалу все эти люди, включая тех, которые стали Камандига, назывались Суляйндзига.

Согласно преданию, записанному В. А. Аврориным и Е. П. Лебедевой, удэгейцы Камидига и Суландига (т. е. Суляйндзига) раньше вместе обитали на р. Ботчи, к югу от р. Копи¹¹.

По преданиям, бытующим у иманских удэгейцев, среди которых не встречается фамилия Камандига, это название имеет отношение к каким-то событиям, связанным с историей политического возвышения маньчжуров. В древности, гласит одно из преданий (записанных нами в пос. Санчихеза), у удэгейцев был славный полководец Тоюн (другие называют его Коюн), живший на Уэсури. Он имел фамилию не то Кумдига, не то Камдига и считался *джамаси* (кровным родственником) людям Кялундзюга. Информаторы — Ф. Д. Кялундзюга и его жена Н. И. Канчуга — утверждали, что еще раньше люди Камдига назывались Калундзюга и получили новое название от р. Камā, на которой он жил. Под Камой, вероятно, подразумевалась р. Кемā, или Такемā (Великая Кема), впадающая в море к югу от Самарги.

Итак, согласно одному преданию, Камандига — ответвление Суляйндзига, а согласно другому — ответвление Кялундзюга. Это не противоречит одно другому, если считать, что две первые фамилии, носившие некогда общее имя Суляйндзига, еще раньше принадлежали к роду Кялундзюга. Можно построить следующую генеалогическую цепочку: Кялундзюга (первоначальный род) — Суляйндзига (дочернее ответвление) — Камандига (ответвление второго порядка). Так как разделение рода Кялундзюга произошло, по-видимому, достаточно давно, бывшая кровная связь между Кялундзюга, с одной стороны, и Суляйндзига и Камандига — с другой, была постепенно забыта и мужчины и женщины из обеих фамилий стали вступать во взаимные браки. Связь же между Камандига и Суляйндзига еще свежа в памяти поколений, и браки между ними запрещены. Однако в настоящее время отмирает и этот запрет.

Особый интерес вызывает орочский этноним Самандига. В основе его лежит слово *сама* — шаман. Суффикс *-дига*, обозначающий множественность, сближает данный этноним с тунгусским Шамагир (Самагир), у которого такую же функцию выполняет суффикс *-гир*. Группа эвенков-самагиров в конце XVII — начале XVIII в. пришла на Амур, и оттуда, вероятно, часть их по Аюню, а затем по Самарге (на что указывает название реки) вышла на морское побережье, где положила начало удэгейско-орочскому роду Самандига. Характерно оформление этого этнонима: судя по суффиксу *-дига*, он сначала появился у удэгейцев, а затем, видимо уже в недавнее время, попал к орочам и в настоящее время бытует преимущественно у них. Орочи произносят эту фамилию иначе, чем удэгейцы: Самантюка. В 1928 г. несколько орочей Самантюка вместе с эвенками рода Алян (Эдян) уехали с р. Тумнин на р. Бикин и теперь живут среди удэгейцев в пос. Красный Яр¹².

Этноним Самандига, восходящий к тунгусскому Самагир, также можно считать названием одного из первоначальных родов удэгейцев и орочей. Перечисление известных, подтверждающих это, мы начнем с изложения истории орочской фамилии Акунка.

Предание, записанное В. А. Аврориным и Е. П. Лебедевой, следующим образом рисует происхождение этих орочей: «В самом начале род Акунка возник на реке Аку, вышел из скалы Сидаки, что стоит в устье этой реки... Сначала был всего лишь один человек — Акунка — с двумя женами... Жили они очень давно, когда земля еще остывала...». Далее сообщается, что в семье Акунка родилось 11 сыновей — четверо от одной жены и семеро от другой. Они поженились и расселились по разным местам. «Среди Акунков жил один человек по имени Будэнгэри. Старик этот был у орочей старшиной, управлял всеми орочами, был их начальником»¹³.

¹¹ «Орочские сказки и мифы», стр. 182, 183.

¹² Здесь с этнонимом Самантюка произошла курьезная метаморфоза: он превратился в фамилию Симанчук. Только личные свидетельства бикинского ороча Сергея Самантюка и копинского ороча Савелия Хутунка (оба в преклонных годах) позволили разглядеть в «украинской» фамилии Симанчук чисто орочский этноним. Ввиду малочисленности его представителей большинство современных удэгейцев и орочей, как правило, вообще ничего не знают о существовании такого этнонима.

¹³ «Орочские сказки и мифы», стр. 174—175.

Ороч Будэнгэри — историческая личность, он умер в 1924 г. В свое время о нем писал В. К. Арсеньев¹⁴. По сообщению сына Будэнгэри, И. Ф. Акунка, у его отца было две жены, от одной из них он имел 10, а от другой — 11 детей. Эти дети, а также их потомство составляют в настоящее время большинство членов фамилии Акунка.

В. К. Арсеньев называл этого человека Федор Будунгари. Это, может обозначать, что в начале XX в. последний еще не носил этнического прозвища Акунка. Однако легенда относит появление данного этнонима к очень давним временам. Тот же И. Ф. Акунка сообщил нам, что раньше его сородичей, живших на Туминне, называли Суляки. Сейчас такого этнонима среди орочей нет, но факт его существования в прошлом — и не только у орочей, но и у ульчей — был косвенно зафиксирован в начале 1930-х годов А. М. Золотаревым. Золотарев сообщал о вымершем ульчском роде Суляки орочского происхождения¹⁵. В том, что это именно та самая фамилия, о которой нам говорил И. Ф. Акунка, не приходится сомневаться. В тексте цитированного выше предания имеется такое место: «Часть (Акунков.— В. Т.) перешла на Амур, часть пошла к югу, а часть так здесь и осталась, расселившись по всему Туминну»¹⁶.

Орочское *суляки* означает лисицу. По-удэгейски лисица — *сулэй*. Как мы помним, этноним Суляйндзига удэгейцы выводят именно от этого слова и его производных. Таким образом, орочская фамилия Суляки и удэгейская Суляйндзига имеют, по всей вероятности, общее происхождение.

У нас также имеется сообщение самаргинского удэгейца Андрея Самандига о том, что брат вышеуказанного Будэнгэри носил фамилию не Акунка, а Самантюка. Поэтому можно предположить, что Акунка и Самандига состояли в отношениях кровного родства (доха). Данное сообщение следует, возможно, понимать и как указание на то, что первоначальное этническое имя Будэнгэри было Самандига, а не Суляки, и что этноним Акунка появился лишь после того, как Будэнгэри поселился на р. Аку.

Изучение удэгейских и орочских этнонимов приводит нас к выводу, что первоначально оба народа состояли из весьма небольшого числа кровных родов, не считая иноязычных этнических групп, влившихся в их состав. В дальнейшем вследствие расселения и дробления этих первоначальных родов на их основе образовалось множество мелких локальных групп (фамилий) со своими собственными названиями, а прежние родовые этнонимы были постепенно забыты.

Процесс образования новых этнонимов, связанных с обитанием той или иной группы на определенной местности, происходил постоянно, отражая менявшиеся условия существования. Именно этим можно объяснить обилие как исчезнувших, так и действующих этнонимов у удэгейцев и орочей. Хорошей иллюстрацией этого процесса служит зарождение новых этнонимов внутри удэгейских фамилий Кялундзюга и Кимонко, носители которых жили в начале XX в. в верхнем и среднем течении р. Хор.

В составе хорских Кялундзюга в настоящее время выделяются следующие локальные группы: 1) Амбанка́ (этноним образован от протоки Хора — Амба), 2) Гвасинка́ (от одноименной протоки), 3) Гадынка́ (группа, переселившаяся от Анюя), 4) Котэнка́ (от притока Хора — р. Котэн), 5) Хамданка́ (от притока Хора — р. Хамды). В составе Кимонко: 1) Чжангонконко́ (от притока Хора — р. Чжанго) и 2) Догомунка́ (от притока Хора — р. Догомун). Члены перечисленных локальных подразделений, сознавая свое кровное родство, не вступают во взаимные браки, но в 1968 г. мы уже зафиксировали несколько случаев отклонения от этого правила.

В конце XIX — начале XX в. наряду с кровнородственными поселениями у удэгейцев и орочей существовали и поселения, жители которых были связаны чисто соседскими отношениями. Такие поселения зафиксированы, в частности, у орочей на р. Хунгари. Здешные стойбища включали представителей разных фамилий, притом не состоявших друг с другом в кровном родстве. Например, на стойбище Джуанко жили орочи:

¹⁴ В. К. Арсеньев, Соч., т. 2, Хабаровск, 1949, стр. 239.

¹⁵ А. М. Золотарева, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 27.

¹⁶ «Орочские сказки и мифы», стр. 174, 175.

Иенка — 12 человек, Пуэлянка — 12, Самандига — 6; на стойбище Домоха — Вагла — 9 человек, Улянка — 12 и др.¹⁷

Орочи (а также нанайцы и ульчи) называют свои локальные группы термином *халā*, удэгейцы — термином *сэ (сэй)*. Для обозначения самой близкой родни по крови удэгейцы употребляют термины *доханй*, *дохаму-лā*, *хамулā*, которые переводят как «дети одних родителей». Главную смысловую нагрузку во всех этих терминах несет основа «ха»; соответственно *ханй* означает «кровный родственник»¹⁸. Более широкое родство, именуется удэгейцами *дзаламулā*, *дзамула*, *джамаси*. Нагрузкой термина служит основа «дза» (джа, дзя, дя); соответственно *дзанй* — «свой человек», «друг». Эти термины заменяют удэгейцам отсутствующий у них термин «доха».

По словам иманского удэгейца Ф. Д. Кялундзюга, *джамаси* обращались друг к другу со словом *джафй* — «товарищ», или *надяктā* — «брат».

В ороческом языке слово доха (духа) означает кровную родню. Примерно такое же значение оно имеет и в других языках тунгусо-маньчжурской группы.

Институт доха был обнаружен у ульчей Н. К. Карнуером в 1927 г., а в 1931 г. — К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус у негидальцев. Эти же ученые ввели в употребление и термин «доха». Все они указали один и тот же способ образования отношений доха — путем женитьбы на вдовах. Однако в объяснении причин появления таких отношений исследователи заняли диаметрально противоположные позиции. Каргер считал, что причиной возникновения «союзов родов», связанных отношениями доха, была необходимость объединения мелких родов в целях самозащиты. По Мыльниковой и Цинциус, такой причиной было разделение рода на ряд родственных групп, продолжавших воздерживаться от взаимных браков¹⁹. Каргер указал на некоторые внешние признаки объединения доха: помимо экзогамии, членов объединения связывают «установления социального и религиозного порядка», например медвежий праздник, который люди, связанные отношениями доха, проводят сообща²⁰.

Институтом доха специально интересовался А. М. Золотарев. Он установил, что «способностью к образованию экзогамных цепочек» обладали нанайцы, ульчи, орочи, ороки, негидальцы и что в эти цепочки «попадали тунгусские и гилацкие роды»²¹.

Образование цепочек доха у амурских орочей А. М. Золотарев объяснял как естественным дроблением первоначального кровного рода, так и «путем слияния совершенно чуждых друг другу родов», например на основе военного союза²². А. М. Золотарев пытался искать причины образования союзов доха также «в экономических отношениях», однако ему не удалось найти информатора, «точно знавшего нормы» таких объединений²³. Принципы, которые объединяли членов доха, сводились, по Золотареву, к трем главным пунктам: 1) они должны помогать друг другу при организации медвежьего праздника, 2) участвовать в мщении за сородичей, 3) не вступать во взаимные браки²⁴.

¹⁷ С. К. Патканов, Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III, СПб., 1912, стр. 931 и сл.

¹⁸ Нанайское *халā* имеет и другое значение: «хомут собаки», т. е. ошейник. Удэгейское *халā* — одна из жердей, образующих остов традиционного жилища; также «рогулька», «развилка». Интересно сравнить этот термин с нивхским *кхал* — «род»; «чехол для ножа»; «ошейник упряжной собаки» (устное сообщение Ч. М. Таксами).

¹⁹ Н. К. Каргер, Предварительный отчет о поездке на Амур, Архив АН СССР, ф. 250, оп. 5, д. 40, л. 4; К. М. Мыльникова и В. И. Цинциус, Материалы по исследованию негидальского языка «Тунгусский сборник», I, М., 1931, стр. 113.

²⁰ Н. К. Каргер, Указ. раб., л. 5.

²¹ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, стр. 44.

²² А. М. Золотарев, Амурские орочи, стр. 83—85.

²³ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, стр. 47.

²⁴ Там же; е го же, Амурские орочи, стр. 85.

В последние годы институтом доха интересовались Ю. А. Сем, В. Г. Ларькин, А. В. Смоляк. Ю. А. Сем рассматривал доха у нанайцев как категорию, содержание которой менялось со временем в зависимости от состояния общества. Так, в раннем периоде родового общества доха — это «отношения между сородичами» (?), а в условиях разложения родового общества — отношения «между родами, отдельными территориальными группами, патронимиями, семьями», преследующие «определенные экономические или политические цели»²⁵. В. Г. Ларькин также видел в доха орочей объединение ради экономической и политической взаимопомощи, выражением чего служили «коллективные действия на рыбалке, охота, совместное участие в межродовых войнах, судебных заседаниях», обязанность совместной выплаты калыма, штрафа и т. д.²⁶. А. В. Смоляк высказала мнение, что «у всех народов Нижнего Амура институт доха — это не союзы, а отношения родов, характерные для периода распада их территориальной целостности, замены их соседскими отношениями»²⁷.

Во всех названных работах внутренняя сущность возникновения отношений доха не раскрыта. Внешние признаки доха частью списаны с рода, частью восстановлены гипотетически. Не объяснено, почему данный институт существовал на Нижнем Амуре и северной части Приморья, тогда как на территории остальной Сибири он неизвестен.

В данной статье мы попытаемся восполнить этот пробел. Народная традиция удэгейцев и орочей рисует два способа образования отношений доха: путем брака на вдове и путем присоединения одной фамилии к другой.

Версия о возникновении отношений доха благодаря бракам на вдовах особенно популярна у удэгейцев и орочей. Самаргинская удэгейка шаманка Арина Кимонко (по отцу — Камандига) нам рассказывала: «Раньше жил Камандига с женой, потом умер. На вдове женился Суляйндзига. Дети от Камандига и Суляйндзига — друг другу братья и сестры, жениться не могут. Называют друг друга *дзамула*».

Поскольку дети вдовы от разных мужей получали разные фамилии, речь, очевидно, может идти о патрилинейной филиации. Но при патрилинейной филиации кровные родственники, оказывающиеся в разных родах, могут вступать во взаимные браки, исходя из норм родовой экзогамии. Тунгусы, например, брали жену из рода матери, например, дочь ее брата (своего дяди), и такой брак даже считался предпочтительным. Почему же потомки Камандига и Суляйндзига избегали взаимных браков? И почему на вдове Камандига женился Суляйндзига, а не младший брат первого, по обычаю левирата?

В патрилинейном роде при заключении брака платился калым (а мы знаем у удэгейцев и орочей именно такой брак). Поэтому вдову, а стало быть, и детей покойного и его имущество должен был наследовать его младший брат или по крайней мере сородич. Так, анюйский удэгеец Тунси Амулинка взял в жены вдову умершего сородича, у которого не было младшего брата. В прошлом, по его словам, подобные браки были широко распространены.

Есть все основания допустить, что Суляйндзига, женившийся на вдове Камандига, был кровным родственником последнего и что поэтому обе эти фамилии были связаны экзогамным запретом. Это допущение с учетом сведений, приведенных нами выше о фамилиях Камандига и Суляйндзига, вполне обосновано.

²⁵ Ю. А. Сем, Родовая организация нанайцев и ее разложение, Владивосток, 1959, стр. 17.

²⁶ В. Г. Ларькин, Орочи, М., 1964, стр. 76.

²⁷ А. В. Смоляк, Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX — начале XX в., в кн. «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 289.

Однако, по утверждению удэгейцев и орочей, отношения доха возникают и в том случае, когда на вдове женится человек, не являющийся родственником покойного мужа. Говоря о предках, установивших эту традицию, один из наших информаторов выразился так: «Они по женщинам расходились». Смысл этого выражения следующий: потомки одной женщины считались кровными родственниками и брак между ними был исключен.

Эти новые обстоятельства в корне ломают наши представления о природе доха, исходящие исключительно из принципов патрилинейного рода. Только если допустить существование у удэгейцев и орочей в прошлом традиции материнского рода, можно понять, каким образом потомство одной женщины, восходящее к разным мужским предкам, образовывало «фамилии», связанные внутренним экзогамным запретом.

У нас нет возможности подробно останавливаться на вопросе о том, когда и каким образом счет родства трансформировался у удэгейцев и орочей из матрилинейного в патрилинейный. По нашему мнению, носителями материнской традиции в Приморье и Приамурье были айны и гиляки.

Как известно, Л. Я. Штернберг открыл у гиляков трехродовую систему брачащихся родов. Объясняя особенности этой системы, Штернберг указывал, что по гиляцким нормам «обмениваться женщинами, т. е. давать женщин в тот род, откуда мой род берет жен, воспрещается: все женщины из моего рода должны в свою очередь перейти в третий род, родоначальницами которого были сестры мужских предков моего рода»²⁸.

Из этого следует, что каждый гиляцкий род обладал как бы полуторной экзогамностью: он был экзогамен по отношению к самому себе и по отношению к роду, в который отдавал женщин, ибо брать жен из этого рода он не мог. Если кто-либо из рода А брал жену из рода Д, то для рода Д все женщины рода А становились запретными: последний включался в цепочку последовательно брачащихся родов²⁹.

Внутренний механизм практики заключения браков у гиляков состоял, по Штернбергу, в том, что «мужчины обязательно (разрядка Штернберга) женятся на дочерях брата своей матери»³⁰; иными словами, женщины становятся женами сыновей сестры своего отца. А так как гиляки отдавали женщин не в тот род, откуда брали жен, то обмениваться женщинами семьи брата и его замужней сестры не могли³¹.

Отметим, что такой «взаимный брак» (по тунгусской терминологии, *дапкй*) был запрещен и у тунгусов (например, сахалинских). Однако у них трехродовая система не зафиксирована.

По нашему мнению, причиной, вызвавшей образование сложной трехродовой организации общества у гиляков, была первоначальная матрилинейность их рода. Лишь благодаря взаимодействию материнского рода гиляков с отцовским родом тунгусов могла возникнуть система из трех брачащихся родов с «полуторной» экзогамностью каждого.

Вообразим себе следующую ситуацию: род А — материнский (гиляки), род Б — отцовский (тунгусы). В случае брака тунгуса на гилячке ее дети, согласно гиляцким нормам, не могут жениться в роде Б, а согласно тунгусским нормам — в роде А. Выходом из положения является либо переход потомства на единую систему родства (патрилинейную или матрилинейную), либо сохранение билинейности и установление брачных связей с третьим родом. В последнем случае и устанавливается компромиссная трехродовая система, в которой одинаково соблюдаются и час-

²⁸ Л. Я. Штернберг, Гиляки. Оттиск из журнала «Этнографическое обозрение», М., 1905, стр. 28.

²⁹ Там же, стр. 29.

³⁰ Там же, стр. 31.

³¹ Там же, стр. 30.

тично нарушаются нормы отцовского и материнского счета родства путем исключения из браков части родственников с обеих сторон. В процессе развития такой системы может теоретически возобладать любая линейность — как отцовская, так и материнская. Но поскольку гиляцкий род в конце XIX в. был, согласно Штернбергу, патрилинейным, можно говорить о победе тунгусской патрилинейной традиции. Перелом произошел вряд ли раньше XVII столетия, когда на Амур и Сахалин хлынули волны охотских тунгусов и ламутов, спасавшихся от обложения ясаком.

На практике трехродовая система вряд ли может долго сохранять свою устойчивость ввиду ее сложности. Уже во времена Штернберга не имело обязательной силы требование брать жену из рода матери. Запрещение отдавать женщин в род, из которого кто-либо из сородичей взял жену, сохранялось, но и оно действовало лишь в течение нескольких поколений³².

Можно думать, что вышеописанные брачные нормы у гиляков нашли отражение в традиционном объяснении запрета, существующего у тунгусо-маньчжурских народов Амура, Сахалина и Приморья, согласно которому экзогамные отношения доха возникают между двумя группами после того, как кто-либо из одной группы женился на «вдове» из другой. Это объяснение хорошо согласуется с общей картиной этнических взаимоотношений в указанном регионе за последние три столетия. Важнейшими партнерами здесь были гиляки и тунгусы. Удэгейцы и орочи — это потомки аборигенов бассейна нижнего Амура и Приморья, которых тунгусы ассимилировали, придя туда. В результате образовалось смешанное население, в социальной структуре которого наряду с характерной для тунгусов отцовской родовой организацией уживались принципы матрилинейности, унаследованные от местных аборигенов. Можно допустить, что на первых порах, когда тунгусы вступили в непосредственный контакт с этими аборигенами, счет родства у контактных групп был двойкий, т. е. велся и по мужской и по женской линии.

Об этом свидетельствуют воспоминания о счете родства по материнской линии, живущие среди удэгейцев и орочей по сию пору. На вопрос о том, какое родство важнее — по отцовской или по материнской линии — самаргинский удэгеец Сергей Самандига, не колеблясь, отвечал: «По материнской линии». Самаргинская удэгейка Арина Кимонко квалифицировала обе линии родства как равноправные. Нам приходилось также слышать следующий перевод удэгейского термина *хамула*: «брат с сестрой, от одной матери».

Исходя из приведенных фактов, можно было бы думать, что смысловая основа 'ха' принадлежит аборигенам Приморья и что она первоначально означала кровное родство по материнской линии. Однако дело обстоит не так. Основа 'ха' входит составной частью в ряд терминов родства у народов алтайской семьи языков, в том числе у маньчжуров. У последних употребление слов с основой 'ха' диаметрально противоположно их употреблению в тунгусо-маньчжурских языках Приамурья — Приморья: основа 'ха' у маньчжуров означает мужское начало, а женское начало передается основой 'хэ'³³. Данное обстоятельство приводит нас к заключению: трансформация смыслового значения основы 'ха' в Приамурье — Приморье произошла вследствие того, что пришельцы-тунгусы здесь попали в среду, где реальные кровнородственные отношения противоречили их собственным, и тунгусы должны были либо отбросить термины с основой 'ха' как бесполезные, либо приспособить их к новым условиям общественной жизни. Развитие языка, как мы видим, пошло по второму пути. То же случилось и с патрилинейной системой родства

³² Л. Я. Штернберг, Указ. раб., стр. 36.

³³ См.: В. И. Цинциус, Вопросы этимологии терминов родства и свойства у тунгусо-маньчжурских народов, «Языки и фольклор народов крайнего Севера», «Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена», т. 269, Л., 1965, стр. 211, 223 и др.

тунгусов: наряду со счетом родства по мужской линии они стали вести счет родства и по женской линии. Другими словами, у них развилась билинейная система родства.

Реальное бытование билинейной системы у удэгейцев и орочей в прошлом подтверждается сохранением в их языках терминов, наличие которых может быть удовлетворительно объяснено лишь из условий материнской родовой общины. Таковы термины: *кэй* — «мужья родных сестер», *ауси* — «мужья старших сестер», *туакā* — «дети родных сестер» и т. д. В категорию *туакā* первоначально включались дети всех «сестер». Этим словом называли друг друга в нашу бытность на р. Копи (в 1968 г.) ороч Савелий Хутунка и удэгеец Федор Пудя. По сообщению последнего, матери обоих происходили из одного «*халā* Огдонко». Можно думать, что удэгейско-орочское *туакā*, равно как и нанайско-ульчское *тувэ*, означающее то же самое, восходят к нивхскому *тувн* — «брат, сестра»³⁴.

В прошлом браки между *туака* были, надо полагать, запрещены. Однако в дальнейшем это запрещение свелось к исключению браков между детьми родных сестер.

Заслуживает внимания терминологическое выделение удэгейцами и орочами младшего брата матери. Старшие братья и сестры отца и матери именуются удэгейцами одинаково: *одō* — «дедушка» и *мамā* — «бабушка». Для младших братьев родителей существуют различные термины: *госō* — для младшего брата матери и *дзалā* — для младшего брата отца³⁵.

Как известно, обычай авункулата, пережитки которого встречаются у многих народов, восходит к периоду перехода от материнского рода к отцовскому. У удэгейцев и орочей (равно как у нанайцев и у ульчей) особые отношения существовали между племянником и его младшим дядей по матери. Последний в условиях материнского рода дольше оставался в семье родителей и ввиду этого мог принимать участие в воспитании детей своей старшей сестры. Именно этим можно объяснить не только то, что существует специальный термин, обозначающий младшего брата матери, но и те особо теплые отношения, которые связывали его с племянником — сыном сестры.

Гусйн — младший дядя по матери, согласно традиционным представлениям нанайцев, «делает людям счастье». В прошлом на нем лежала ответственная обязанность быть воспитателем и оберегать сына сестры. Он должен был « всю жизнь заботиться о племяннике ». Зато и племянник глубоко чтит своего дядю-гусина. « У нас в старину, если кто говорил „гусин“, то всегда становился на колени » — эти слова принадлежат одному из героев нанайского писателя Григория Ходжера³⁶.

Как уже говорилось, отношения доха складывались, согласно фольклору, и путем присоединения одной фамилии к другой.

В предании о роде Акунка говорится: « Жили-жили Акунки, стало их еще больше, и начали они подчинять себе другие роды, малочисленные и бедные. Кого подчинят, всем помогают, ловят рыбу, добывают зверей для пропитания, дают имущество. Эти роды стали Акункам духа. Духа у них такие: Хутунка, Пудя, ульчи, Сиочонко. Словом „духа“ орочи называют те роды, которые подчинялись другим »³⁷.

Слово «подчинение» неточно передает смысл предания. Рассказчик уточняет свою мысль: « С тех пор разные ороческие роды объединились:

³⁴ М. А. Каплан, Основные жанры нанайского (гольдского) фольклора «нингман» — сказки, «тэлунгу» — предания, Рукопись, Архив Ин-та этнографии АН СССР, № 58а, л. 14. См. также: Е. А. Крейнович, Гилякско-тунгусо-маньчжурские параллели, «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1955, VII, стр. 156.

³⁵ В настоящее время у хорских удэгейцев имеются также дополнительные термины китайского происхождения: *сусū* — для младшего брата отца и *гугū* — для младшей сестры отца.

³⁶ Гр. Ходжер, Амур — река родственников, Хабаровск, 1965, стр. 5.

³⁷ «Ороческие сказки и мифы», стр. 174, 175.

Акунка, Хутунка, Сиочонко с самого начала жили сообща. Все они духа Акунков. А вот Намунки, Тыктэмулки, Мулинки, Улэнки, Кадя, ульчи, нанайцы — те тоже сообща живут, они духа Намунков»³⁸.

Если верить преданиям, в отношении доха вступали соседи, но в них следует прежде всего видеть кровных родственников, которые первоначально жили все вместе, неподалеку друг от друга. Иначе невозможно объяснить, почему в отношениях доха состоят группы, расположенные далеко друг от друга. Логически развивая версию о «соседях», мы приходим к выводу, что все группы населения, осваивающие тот или иной район, должны оказаться вовлеченными в отношения доха благодаря постоянному перемешиванию и перемещению отдельных групп и семей. Если бы все соседи становились доха, появилась бы сложная проблема по части выбора жен и мужей, а об этом в удэгейских и ороческих преданиях не говорится ни слова. Иными словами, объединение соседей в союзы доха противоречило бы здравому смыслу и оно могло иметь место лишь в исключительных случаях.

Обычно имело место добровольное присоединение отдельных лиц и семей, лишившихся кровных родственников, к группам неродственного происхождения. Целью такого присоединения было облегчение условий существования и защита от нападения. В предании о роде Еминка рассказывается, что однажды по Тумнину вниз плыла лодка, в которой сидел пожилой ороч. Когда его окликнули и спросили, кто он такой, он назвал свой «род» и добавил: «Нет никакого рода, если есть всего один человек». Он «вошел» в «род» Еминка и стал называться Большой Еминка³⁹.

Наиболее же часто, как нам кажется, удлинение цепочки доха происходило за счет разделения больших локальных групп на более мелкие. Так, в предании о роде Бисянка говорится, что часть его членов жила в местности Асинкан, а часть — в местности Ненгненку. «Живущие в Ненгненку люди стали Ненгненкунками, а живущие в Асинкане — Асинканками... а род остался один — все они Бисанки»⁴⁰. Аналогичным образом отпочковались от удэгейской фамилии Кя группы Геонка, Канчуга, Куинка, Суанка. Как сообщил нам бикинский удэгеец Исула Сигде, все они раньше считались *джамулā* (т. е. доха) и не вступали во взаимные браки.

Как отмечалось выше, процесс разделения старых больших локальных групп на новые более молодые и мелкие продолжался у удэгейцев и орочей еще в сравнительно недавнее время. Он закончился в 1930-е годы, когда большинство удэгейцев и орочей вступило в колхозы и с их прежним полукочевым образом жизни, способствовавшим этому процессу, было покончено.

Суммируя все сказанное, можно сделать следующие выводы. Удэгейцы и орочи представляют собой народы, в социальном строе которых обнаруживаются черты как отцовской, так и материнской родовой организации. Скорее всего, это следы сравнительно недавнего контакта тунгусов с аборигенами Приамурья — Приморья, в которых с большой долей уверенности можно видеть айнов и нивхов. Образование отношений доха происходило, с одной стороны, на основе возникшего здесь билинейного счета родства, а с другой, в более поздний период, — на основе дробления прежних кровных родов и локальных групп. В конечном счете большинство перечисленных нами особенностей социального строя удэгейцев и орочей связано со сложностью их этногенеза. Аналогичным образом, как мы думаем, обстояло дело и у других тунгусо-маньчжурских народов Приамурья — Приморья.

³⁸ Там же.

³⁹ «Ороческие сказки и мифы», стр. 176.

⁴⁰ Там же, стр. 179.